

На случай, если когда-нибудь он разойдется с властным президентом Чэном, можно будет сразу переехать туда.

У семьи Гу был особняк, так что место для него там точно нашлось бы.

Однако господин Гу не хотел видеть эту неприятную семью. Позже, когда всё уладится, он просто выгонит их и продаст дом.

Гу Син отправил сообщение няне Фэн перед вылетом и, войдя в дом, сразу почувствовал аромат супа.

Не пил его уже месяц, и, как ни странно, соскучился.

Выпив согревающий желудок суп, Гу Син поднялся наверх спать.

Он попросил няню Фэн начать готовить ужин на час позже, чтобы немного поспать и снять усталость от дороги.

Вечером, в пять, няня Фэн начала готовить, рассчитывая, что ужин будет готов к шести тридцати.

Она подумала о господине Чэн Дунсюе, который последнее время часто заглядывал, и отправила сообщение, спросив, вернется ли он, чтобы поужинать с Гу Сином.

Чэн Дунсюй, только что прибывший в отель, где остановилась съемочная группа, держал телефон в руке, и его охватило смутное предчувствие.

Маловероятно, что няня Фэн поехала на северо-запад, чтобы готовить для Гу Сина. Так что же?

— Молодой господин, что случилось? — спросил рядом Цзян Фу с чемоданом в руке.

Позади них стояла машина, ставшая серо-черной от пыли на ухабистой дороге.

— Сколько времени займет дорога от аэропорта? — спросил Чэн Дунсюй.

— Три часа двадцать минут, — не задумываясь, ответил Цзян Фу, смотря на шестиэтажный отель перед собой с легким отвращением, но и с некоторым ожиданием.

Если его босс проделал такой путь, чтобы добраться сюда, то этот нелюбимый наследник семьи Гу, должно быть, действительно обладает талантом.

Ему нужно было поближе познакомиться с этим парнем, и если тот сильно уступает Линь Чжишу, то это будет даже лучше.

Перед приездом Чэн Дунсюй не звонил Гу Сину.

Подсознательно он хотел увидеть, как тот удивится, внезапно увидев его.

Но сейчас этот сюрприз, скорее всего, оказался недоразумением.

Чэн Дунсюй позвонил няне Фэн и подтвердил это.

Он молча подсчитал, насколько возможно немедленно вернуться, и сделал шаг вперед:

— Заходи. Переночуем здесь, завтра днем вернемся.

Цзян Фу, державший в руках чемодан с вещами своего босса на несколько дней, промолчал.

— Разве не говорится, что разлука укрепляет чувства? Молодой господин, может, останетесь на несколько дней... — не сдавался Цзян Фу.

Но он замолчал, получив ледяной взгляд.

Съемочная группа снова удостоилась визита важной персоны, и режиссер Лу чувствовал себя измотанным.

Неужели нельзя было просто спокойно снять фильм? Почему ему приходится сталкиваться с такими трудностями?

Однако, к его удивлению, молодой господин Чэн оказался гораздо более сговорчивым, чем молодой господин Чжоу, и режиссер Лу с облегчением подумал, что это даже к лучшему.

Этот парень, кроме просьбы остановиться в комнате Гу Сина, не требовал никаких других удобств, что было очень удобно.

— Вы и Гу Син... — режиссер Лу колебался.

Несколько дней назад молодой господин Чжоу приехал и попросил остановиться в комнате Ван Шэньжэня, и он думал... но Ван Шэньжэня вместе с его вещами вышвырнули, как мусор.

Он не хотел слишком вмешиваться в дела Ван Шэньжэня.

Но Гу Син был таким послушным и воспитанным ребенком.

Хотя он и был инвестором, Гу Син не капризничал, снимался, как требовалось, и был невероятно профессиональным.

Сейчас его здесь нет, и комнату нельзя просто так отдавать.

Мужчина поднял свои темные глаза.

Он спокойно сказал:

— Я его парень.

Чэн Дунсюй сказал это, чтобы не оставить о Гу Сине плохого впечатления в съемочной группе.

Даже если в их кругах было обычным делом содержать кого-то, но применять это к Гу Сину казалось унижительным.

Но, произнеся эти слова, «парень» задержались на его губах, и сердце будто остановилось на мгновение.

Чэн Дунсюй вдруг вспомнил, что за свои двадцать восемь лет он никогда не произносил этих слов.

Чэн Дунсюй всегда обладал сильной самодисциплиной, и, хотя внутри его бушевали эмоции, внешне он оставался совершенно спокойным.

Но двое, услышавших его слова, не смогли сдержать удивления.

Цзян Фу вошел с чемоданом, но вскоре был выпровожен своим боссом.

Выйдя за дверь, он не удержался от комментария:

— Неплохо!

Хотя он лишь мельком взглянул, но комната выглядела уютной и опрятной.

Цзян Фу напевал себе под нос, с легким сердцем направляясь в комнату, которую ему выделил режиссер Лу.

Этой ночью Чэн Дунсюй не мог заснуть.

В основном потому, что все вокруг напоминало о Гу Сине, но самого его не было рядом. Он ворочался до глубокой ночи, после чего принял холодный душ.

У Гу Сина, напротив, был очень обычный распорядок дня.

Если не считать звонка спецпомощнику Суну среди ночи, когда он не мог уснуть.

Сун Цинь сообщил Гу Сину, что его босс уехал в командировку, срок возвращения неизвестен, и местонахождение раскрывать неудобно.

Гу Син немного пожалел, но быстро заснул.

Спецпомощник Сун, конечно, знал, куда отправился его босс.

Но он думал, что Гу Син находится в отдаленном месте, и получил указание заранее, поэтому не раскрыл направление поездки Чэн Дунсюя.

На следующее утро кто-то постучал в дверь.

Чэн Дунсюй, не спавший всю ночь и находившийся в скверном настроении, холодно посмотрел на слегка знакомого молодого человека:

— В чем дело?

— Господин Чэн, меня зовут Ван Шэньжань, я из съемочной группы с Гу Сином, — почтительно произнес Ван Шэньжань.

— Это ты? — Чэн Дунсюй вспомнил тот ужин в «Вэйчжэнь» и, услышав, что Ван Шэньжань хочет рассказать что-то о Гу Сине, пропустил его внутрь.

Ван Шэньжань, услышав, что Чэн Дунсюй приехал и остановился в комнате Гу Сина, сначала завидовал.

Но вскоре он заметил что-то странное.

Чэн Дунсюй приехал навестить Гу Сина, но разве Гу Син не уехал в город Цзин?

Разве он не сообщил своему покровителю о поездке в город Цзин? Или... вспомнив Чжоу Юньчжи, который недавно также задержался на северо-западе, Ван Шэньжань почувствовал,

что наткнулся на что-то важное.

Он помнил слова, которые У Юйчжао сказал ему перед отъездом.

Тот, с лицом, похожим на свиное рыло, насмешливо произнес:

— Нам не нужно враждовать друг с другом, я недооценил Гу Сина. Ты знаешь, почему той ночью молодой господин Чжоу не захотел тебя? Перед этим в его комнату вошел Гу Син!

Чэн Дунсуй, в отличие от устрашающего Чжоу Юньчжи, был более спокойным и сдержанным.

Если Чжоу Юньчжи был бурной рекой, которую трудно укротить, то Чэн Дунсуй был скорее океаном — обширным и спокойным, но никто не осмелился бы его недооценивать.

Ван Шэньжань, видя, как Чэн Дунсуй спокойно слушает его, постепенно осмелел.

Он рассказал, как Гу Син в съемочной группе злоупотреблял своим положением благодаря связям с Чэн Дунсуйем, как молодой господин Чжоу специально приехал навестить Гу Сина, и как Гу Син взял отпуск, но его местонахождение неизвестно.

— Закончил? — Чэн Дунсуй встал. — У меня дела, не провожу.

— Господин Чэн, разве вам все равно? — Ван Шэньжань, не добившись ожидаемого эффекта, с неохотой спросил.

Мужчина с холодными, как нефрит, чертами лица, озаренными утренним светом, спокойно произнес:

— Конечно, не все равно.

Под взглядом Ван Шэньжана, в котором мелькнула надежда, он продолжил:

— Какой Гу Син человек, не тебе судить. Ты сказал о нем пять нелестных слов, я лишу тебя пяти проектов. Если скажешь еще хоть слово, можешь попробовать.

Чэн Дунсуй не стал опровергать слова Ван Шэньжана ради сохранения лица.

Этот гордый ребенок... а этот человек с нечистыми помыслами и легкомысленным взглядом осмеливается его оценивать?!

Ван Шэньжань промолчал.

Мужчина перед ним с начала до конца не показал ни малейшего гнева, но Ван Шэньжань почувствовал, будто его горло сдавили, и он быстро покинул комнату, бледный как полотно.

Дверь снова закрылась.

Чэн Дунсуй закурил сигарету, но, не докурив до трети, затушил ее.

Он спросил себя, действительно ли ему все равно?

Чэн Дунсуй, конечно, не поверил словам Ван Шэньжана, но он отчетливо помнил, как услышал в том разговоре, что Чжоу Юньчжи и Гу Син знакомы, и это вызвало в нем чувство неудовольствия, похожее на ревность...

Чэн Дунсюй хотел позвонить Гу Сину, хотя бы чтобы услышать его голос.

Это необъяснимое желание заставляло его стремиться немедленно оказаться рядом с Гу Сином.

Но он сдержался и не связался с ним.

Причина была та же, что и вчера: сюрприз превратился в недоразумение, и он не мог переступить через свою гордость.

В городе Цзин Сяо Инь получил звонок от Линь Чжишу.

— Брат Сяо, на самом деле я давно хотел сказать, но не решался, недавно у меня были некоторые проблемы, — голос Линь Чжишу звучал легко. — Но теперь все решено, я собираюсь вернуться в страну, не знаю, будете ли вы рады меня видеть.

— Конечно! — с радостью ответил Сяо Инь.

Хотя он понимал, что в этом «вы» большая часть, вероятно, относилась к брату Сюю.

Но встреча с давним другом всегда вызывала множество ожиданий, и Сяо Инь утешал себя этим.

Он также пообещал Линь Чжишу сохранить в секрете его возвращение, понимая, что это будет сюрпризом для брата Сюя.

Линь Чжишу, решив вернуться, начал собирать вещи.

В его сердце были и ожидание, и тревога.

Все эти годы силы семьи Линь были сосредоточены за границей.

|

<http://bllate.org/book/16158/1447842>